

**Историко-географические образы пространства:
онтологические особенности и эвристический потенциал
использования в исторической науке***

Д.С. Бобров, Д.С. Дегтярев, Т.Н. Соболева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Historical and Geographical Images of the Environment:
Ontological Characteristics and the Heuristic Potential
of Its Use in Historical Science**

D.S. Bobrov, D.S. Degtyarev, T.N. Soboleva

Altai State University (Barnaul, Russia)

Публикация представляет собой опыт междисциплинарного исследования, лежащего на стыке истории, географии, социологии, философии и посвященного раскрытию отдельных аспектов феномена географических образов пространства. Географические образы рассматриваются не только в качестве особого социально-исторического явления, но и как терминологическая категория, которая может активно использоваться в современных научных разработках по истории. Исследовательский фокус заявленной проблемы сосредоточен на анализе онтологической природы образов и факторов их генерализации. Выделяются фундаментальные особенности географических образов пространства, причины и уровни их субъективации.

Затрагивается проблема специфики историко-географического образа города в контексте широкого спектра пространственных мифов. Авторы приходят к выводу о существенном эвристическом потенциале категории «географический образ», наличии объективных предпосылок для ее более широкой интеграции в проблемное поле исторической науки и особой значимости данной категории при реконструкции освоенческих процессов в фронтальных регионах и отдаленных окраинах.

Ключевые слова: историко-географический образ, географический (пространственный) миф, образ города, антропология путешествия, фронтир.

The article presents the experience of interdisciplinary research at the junction of history, geography, philosophy, sociology, and is dedicated to the disclosure of certain aspects of the phenomenon of geographical images of space. Geographic images are considered not only as a specific socio-historical phenomenon but as a category of terminology that can be actively used in modern scientific research in history. The research of the stated problem is focused on the analysis of the ontological nature of the images and the factors of their generalization, revealing the fundamental features of the geographical images of space, the reasons and levels of subjectification. The problem is raised of specificity of the historical-geographical image of a city in the context of a wide range of spatial myths. In the conclusion the authors underline a significant heuristic potential of the “geographic image” category, the existence of objective prerequisites for its broader integration with the problematic field of history, and the special significance of this category in the reconstruction process in frontier regions and outlying suburbs.

Key words: historical and geographical image, geographical (spatial) myth, city image, journey anthropology, frontier.

DOI 10.14258/izvasu(2016)4-32

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и администрации Алтайского края в рамках реализации научного проекта № 15-11-22005а(р).

Изучение опыта общественно-исторического развития невозможно вне контекста пространственной парадигмы. Пространство представляет собой фундаментальную категорию целого ряда научных дисциплин. Однако в среде специалистов-гуманитариев все более актуальным становится обращение не к самому феномену пространства, а к проблеме его осмысления и интерпретации субъектом восприятия (ученым, путешественником, рядовым обывателем, широкими группами, массами). В течение последнего десятилетия появился целый ряд междисциплинарных научных дисциплин и субдисциплин, предметное поле которых включает в себя идейно-смысловые конструкции (теории, концепции, мифы, образы) — продукты осмысления и представления пространства.

Первой в ряду таковых выступает культурная география, определение предметного поля которой является дискуссионным, а сама дисциплина в отечественной науке находится лишь на этапе становления [1, с. 6–17]. Одной из наиболее рациональных представляется нейтральная трактовка М.С. Уварова культурной географии как отрасли географического и культурного знания, специализирующейся на рассмотрении пространственного многообразия культур и проблемы их локализации в различных регионах Земли [1, с. 17]. В свою очередь близкая по проблемной сфере и тематике гуманитарная география занимается изучением способов представления и интерпретации земных пространств [2, с. 11]. В рамках гуманитарной географии один из отечественных апологетов этого направления Д.Н. Замятин выделяет имагинальную (образную) географию, концентрирующую свое внимание на изучении структуры и специфики моделирования географических образов [3, с. 291–292]. Этот подход был подвержен серьезной критике со стороны Ю.Н. Гладкого, определившего проблематику гуманитарной географии шире культурной [4, с. 365–375, 484–502]. Компромиссную точку зрения попытался представить И.И. Митин, назвавший гуманитарную географию особой школой российской культурной географии [5, с. 5]. Ответом ученого на методологические искания стала разработка субдисциплины «мифогеография», нацеленной на достижение возможности для каждого участка пространства оперирования целым комплексом разнородных явлений, а также одновременной работы с беско-

нечным числом сосуществующих контекстов признаков [6, с. 142].

В среде исторических исследований в начале XXI в. также появился ряд междисциплинарных синтетических методологических подходов. Разработанная А.В. Головневым антропология движения сосредотачивается на изучении мотивационно-деятельностных схем и историко-антропологических сценариев [7; 8, с. 14–20]. Отчасти сопрягаемая по проблематике антропология путешествия фокусируется на мотивах и состояниях самого путешественника [9, с. 6]. Наконец, «воображаемая география» пытается вобрать в себя достижения большинства представленных направлений и сосредотачивается на осмыслении восприятия регионов не только в административном и административно-политическом контексте, но и в качестве «живых», социально и интеллектуально конструируемых явлений [10, с. 82].

Большинство работ, написанных в парадигме одного или сразу нескольких подходов, оперирует рядом схожих дефиниций, характеризующих индивидуальные или коллективные представления о географических территориях [10, с. 82]. Наиболее часто в различных дисциплинарных и междисциплинарных исследованиях используются категории «пространственный миф», «географический миф» и «географический образ». Последний из этого ряда терминов является наиболее часто употребительным, а его семиотическая составляющая наиболее продуктивно разработана в рамках гуманитарной географии. Согласно определению Д.Н. Замятина, под географическим образом следует понимать совокупность ярких характерных, сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства [11, с. 93]¹. Причем речь идет как о физико-географических параметрах территории, так и о социокультурном ландшафте, административно-правовой системе. В такой трактовке географические образы превращаются в специфическое географическое знание, являющееся «буфером или медиатором между традиционной системой географических знаний — с ее инерционностью и громоздкостью — и потребностями жесткого специализированного мышления в различных областях знания и человеческой деятельности» [12, с. 8]. Безусловным преимуществом такого подхода к реконструкции общественно-исторической динамики пространства является

¹ Следует отметить, что Д.Н. Замятин использует и другое определение географического образа как «пространственной системы, формируемой или формирующейся из элементов географических пространств, которые трансформируются в определенные знаки или символы, аккумулирующие наиболее интересные с образной точки зрения черты и характеристики исследуемых географических пространств» [11, с. 94].

возможность осуществления переноса фокуса осмысления от места к идее [10, с. 82].

Вместе с тем, несмотря на существующие определения и широкий спектр публикаций, которые выстраиваются на основе тематики «образов», феноменологические составляющие явления и потенциал перцепции инструментального набора остаются дискуссионными вопросами. В связи с этим целью настоящего исследования стало выделение специфики онтологической природы географических образов и рассмотрение эвристических возможностей использования категориального аппарата в исторических исследованиях.

Онтологическая природа географических образов пространства. В онтологическом смысле возникновение образов пространства связано с осознанием субъектом восприятия своего размещения в определенной зоне (речь идет о некоем «событийствовании» пространству [13, с. 133]), в процессе чего происходит установление наличия/отсутствия территориальности. По версии Дж. Голда, дефиниция «территориальность» может быть определена как «мотивированные познавательные и поведенческие структуры, которые человек демонстрирует по отношению к окружающей его физической среде обитания, на которую он предъявляет право собственности» [14, с. 99]. Соответственно, генезис пространственных образов представляет собой не просто сумму элементов последовательного пространственного осмысления окружающего мира, а стремление субъекта сначала к идентификации² с местом и в месте, а затем к приобретению территориальности через реализацию мотивов. Возникает дихотомичный цикл, в котором субъект, изначально чуждый и не имеющий устойчивой системы связи с территорией, пытается достичь наивысшей точки сопряжения с ней, т.е. максимального уровня территориальности; однако, достигая своей цели, он перестает быть чуждым участку пространства, оно начинает восприниматься им как «свое» и отпадают объективные, экзистенциальные мотивы формирования географических образов. Таким образом, пространственные образы формируются у субъекта на этапе приобщения к географической области.

Основу любого географического образа или пространственного мифа составляет стереотип — упрощенное географическое представление. Природа стереотипа тождественна морфологии образа: складывание как первого, так и второго связано с невозможностью целостного отражения пространства в сознании исследователя. Исходная онтологическая установка детер-

минирует становление в качестве единственного способа генерализации стереотипов схематизацию и формализацию: из идейно-смысловой платформы субъектом изымаются (намеренно или несознательно) теоретические основания при сохранении внешней категориально-понятийной оболочки. Парадоксальным и одновременно исключительно точным представляется замечание Дж. Голда о том, что стержневую основу стереотипа составляют «зерна правды» [14, с. 152], т.е. истинное верифицируемое географическое знание. Во многом именно сочетание реально существующего географического факта (истины) и схематизации придает стереотипу устойчивую форму: большинству путешественников и рядовых обывателей стереотип видится некой подлинной действительностью, репрезентированной в упрощенном виде, что препятствует возникновению в сознании субъекта мысли о ложности представлений. Пространственный стереотип можно назвать протообразом. Непосредственно географический образ формируется на основе хаотичной кумуляции ряда иррационально выбранных стереотипов.

Содержательная сторона географических образов выстраивается вокруг трех фундаментальных характеристик. Прежде всего это искажение подлинного географического знания, его субъективизация. Она является неизбежной чертой любого образа в силу ряда факторов: субъект априори не способен отразить все параметры пространства в своем сознании, как следствие, акцент всегда делается на те или иные стороны географической или социальной действительности при нивелировке степени значимости других. Второй отличительной чертой образов является ахроничность содержания, обусловленная тенденцией сознания человека к перманентному переосмотру и корреляции (субъективной и инертной по отношению к темпоральным параметрам) стереотипов и впечатлений, сформированных в ближайшем прошлом с текущим образом внешнего мира [16]. Следствием этого становится транслокализация географических образов пространства, выход идейно-смысловых конструктов за определенные рамки территории с последующим фактически полным размыванием границ области. В результате содержательная сторона географического образа идет в разрыв с непрерывностью как фундаментальной характеристикой пространства [17, с. 289–291], образуя в ментальных конструкциях своего рода мембранные пустоты между физическими объектами, охваченными

² Г. Роуз выделяет различные варианты идентификации с местом и через место: принадлежность, отчуждение, неидентификация (отсутствие самого процесса идентификации) [15, р. 92].

стереотипами. Множественность и гетерогенность географических образов приводит к полисемиотичности пространства, поскольку в процессе постоянного семиозиса реальные географические территории приобретают бесконечное множество своих ментальных проекций. В специальной литературе такие идейно-смысловые конструкты также называются «реальностями» [6, с. 142], хотя такой лексический прием лишь несколько сбивает с толку.

Иерархия географических образов отождествляется И.И. Митиным с палимпсестом³, а Д.Н. Замятиным — с образным калейдоскопом или «карточной колодой», где ни один образ не является единственным или верифицируемым [13, с. 137]. В этом смысле ряд наслаивающихся друг на друга географических образов напоминает описанную классиком антропологии К. Леви-Стросом ситуацию «бриколажа» — ни одна версия взятого в отдельности мифа не является истинной, лишь вместе они образуют идейно-смысловое поле мифа [18, с. 156].

Фундаментальным вопросом при определении семиотической архитектуры категории «географический образ» и онтологической природы самого явления представляется разграничение образов и отдельных оценок, мнений и сведений, формирующихся у субъекта в процессе восприятия пространства. Образы, будучи сложными ментальными конструктами, выстраиваются в результате последовательного наслаивания на пространственные стереотипы (основу) продуктов применения средств фиксации результатов восприятия пространства (сведений, мнений, оценок и т.д.). Как следствие, большинство географических образов обладает отнюдь не линейной, а упорядоченной и в определенной мере даже иерархичной структурой. Важным ее признаком становится не только набор информации, представлений о пространстве, но и наличие репрезентационной направленности, которая означает направленность географического образа во внешнюю среду. Таким образом, если отдельное мнение, сведение или оценка, сгенерированная субъектом восприятия (исследователем, путешественником), может находиться исключительно в орбите внутренней среды, т.е. быть адресованной самой личности, являясь составляющей ее экзистенциального знания, то географические образы нацелены на передачу содержащихся в них представлений другим субъектам (как индивидуальным, так и групповым), осуществление чего невозможно без включения технологии репрезентации. Она может иметь самый

примитивный вид и выстраиваться совершенно ненамеренно. Так, географический образ и его репрезентация представлена в любом письме, путевой заметке или дневнике путешественника, поскольку такие сочинения создаются с расчетом передачи информации и представлений адресату (другому субъекту),

На фоне бесконечного множества вариаций географических образов в особую группу следует выделить историко-географические образы города. Город как в индивидуальном, так и в коллективном сознании всегда выделялся в особое явление, в значительной мере противостоявшее не только природно-географической среде, но и руральному (сельскому) окружению [14, с. 165–211]. Наиболее четко данный феноменологический контраст можно проследить в сознании путешественников, поскольку во время процесса перемещения субъект постоянно соприкасается с различными средами. Именно городская среда как сумма ощущаемых человеком явлений [19, с. 5–6] является непосредственным источником формирования образа, транслирующегося затем путешественниками и исследователями. Таким образом, географический образ города видится сложным гетерогенным явлением и представляет собой когнитивные идейно-смысловые конструкты, возникшие в результате взаимодействия сознания путешественника (исследователя) с разнородной городской средой и отражающие как саму среду, так и отношение к ней со стороны всех образосоздающих акторов.

Специфика историко-географических образов города проявляется в нескольких неотъемлемых составляющих. Во-первых, субъект восприятия чаще всего воспринимал город как знакомую, безопасную среду. Это приводило к ускорению темпов «усваивания» параметров даже впервые посещаемого места, повышению степени территориальности по отношению к нему и, как следствие, ускоренному формированию географического образа.

Во-вторых, онтологическая природа города основана на дуальности: он одновременно является и частью географической среды, и элементом социокультурного пространства. Иными словами, с одной стороны, город обладает физическими (внешними) признаками (площадь и территориальная протяженность, географический рельеф и ландшафт), с другой — центром социальных взаимодействий, частью которых, так или иначе, оказывается и попадающий в него путешественник. В результате дуальным стано-

³ По Митину, место-палимпсест представляет собой сумму разнородных контекстов-образов, каждый из которых ориентируется на свою доминанту [6, с. 143].

вится и географический образ города: он представляет собой продукт интеграции пространственных стереотипов (восприятие внешнего облика), а также восприятия населения, оценки его быта и характера социальных практик. По своему содержанию образы могут включать в себя разнонаправленные эпитеты/характеристики: «большой», «красивый» («ужасный»), «непривлекательный». «гостеприимный», «развитый», «захолустный», «скучный».

При этом парадоксально, но структурная дихотомия образа города — чрезвычайно редкое явление. Это детерминируется тем, что синтез физических и социальных параметров происходит непосредственно в сознании путешественника, которое склонно к сглаживанию антагонистических противоречий и крайне редко генерализует идейно-смысловые конструкты, основанные на парадоксе. Как следствие, географический образ города является синтетическим, но не предстает суммой механически соединенных образов внешнего вида и общественной жизни.

В-третьих, в Новое время и раннее Новейшее время, когда скорость передвижений была невелика, осознание и восприятие городского пространства путешественником вольно или невольно происходило так называемым экскурсионным методом [20, с. 21–22]. Его суть состоит в постепенном погружении путешественника в городскую среду, которое происходило по мере усваивания им городского пространства. Перемещения по пространству города с человечесоразмерной скоростью позволяли как подробно рассмотреть его внешние атрибуты, так и «прочувствовать» особенности социокультурной среды, уловить «душу города». Именно это, по мнению И.М. Гревса, и являлось конечной целью посещения того или иного города путешественником [20, с. 25–26].

Чрезвычайно близким к категории географического образа является понятие геоконцепта. В.Н. Калуцков определяет геоконцепт как любое значимое для определенного сообщества место, обладающее устойчивым образом [21, с. 27]. При таком подходе значительной эвристической ценностью обладают не только теоретические представления о территории, но и сама территория. В структуре геоконцепта напрашивается выделение информационно-образной, ономастической и территориальной составляющих [21, с. 27]. Иными словами, геоконцепт сосредотачивает в себе одновременно определенную территорию, топоним и образ места. Ведущим свой-

ством геоконцепта является его транслокализация, множество территориальных вариаций. При этом стоящие за геоконцептами культурно-географические регионы нередко существенно отличаются от официальных районов и областей, закрепленных административно-территориальным делением. Причем специалисты видят в ретерриториализации (смене территориального прикрепления) механизм самообновления геоконцепта, канал вновь возникающей концептуализации [21, с. 28].

Геоконцепт формируется под воздействием двух основных факторов. Прежде всего это естественные (объективные) процессы, находящие свою реализацию в виде концептуирования⁴ территории. В противоположность этому концептуализация территории основана на стремлении отдельного субъекта или небольшой группы сознательно привязать к определенной территории новые ментальные смыслы и географические образы [21, с. 28]. Концептуализация осуществляется на трех уровнях: физическом, ономастическом и ментальном. Физическая концептуализация связана с физическим освоением территории с последующим закреплением этого факта в культурном пространстве. На ономастическом уровне геоконцептуализация осуществляется в форме номинации или реноминации территории [21, с. 28].

Путешествие как фактор генерализации историко-географических образов. Важным компонентом и источником формирования географических и особенно историко-географических образов пространства являются путешествия. К сожалению, до сих пор не сформировалось сколько-нибудь целостной парадигмы изучения путешествий, способной стать стержнем географических и исторических исследований [22, с. 212]. Наличие соответствующего подхода позволило бы продуктивно синтезировать методы и достижения обеих дисциплин.

В этом свете одним из перспективных научных направлений становится антропология путешествий, ставящая в центр внимания не описание набора географических открытий, а изучение состояния, мотивов и итогов деятельности путешественника [9, с. 6]. В зарубежной историографии путешествие является едва ли не центральным, но уж точно не периферийным полем, в том числе и исторических исследований. Именно путешественники в своих записках и сочинениях описывают территорию, население и движение *per se* [23, с. 10].

Феномен путешествия основан на стремлении субъекта восприятия достичь максимально-

⁴ Под концептуированием следует понимать отражение естественного, исторического освоения в культуре народа [21, с. 28].

го сопряжения «пространственности» с территориями, в результате чего он априори должен находиться на самой территории. В когнитивном ракурсе путешественник перемещается из одного места, с которым он достиг определенного уровня территориальности и в отношении которого у него сформировалась эмоциональная привязанность, в другой — пространственный район⁵. В результате возникает эффект эмоционального и физического смещения («отчуждение себя» — отрыв от привычных пространственных и социальных рамок [9, с. 12]), который, в свою очередь, приводит к проблемам самоидентификации в пространстве и по отношению к нему. И.И. Митин указывает, что путешествие «примиряет исследователя с местом, объединяет их, соединяет их» [22, с. 213].

Центральным звеном в формировании у путешественника географического образа пространства является эффект восприятия. Восприятие считается разновидностью циклической активности, включающей в себя фазы предвосхищения и сбора информации [22, с. 213]. От ощущения восприятие отличается появлением зачатков интерпретативности и рефлексии. При этом восприятие путешественников зачастую основывается на эффекте первого впечатления или «первого взгляда». Завершающей стадией складывания географического образа путешествия является воображение, которое предполагает сознательное искажение пространственной реальности, основанное на фантазии, вымысле или привлечении откровенно недостоверной информации.

В результате историко-географические образы, синтезируемые путешественниками, основаны на субъективации. Специфика путешествий в контексте пространственной парадигмы заключается в возможности создания целенаправленных географических образов [13, с. 136], т.е. сознательной субъективации генерируемых ментальных конструкций. Одним из факторов искажения путешественниками информации о пространстве является стремление искусственно повысить ценность своей поездки (экспедиции) [14, с. 152], опасаясь снижения или вовсе нивелировки со стороны читателей значимости вклада путешественника. А.В. Головнев и вовсе предлагает воспринимать путешественников в качестве агентов коммуникации [9, с. 10].

Субъективация путешественником образа города является неотъемлемой чертой любых историко-географических описаний и вызвана несколькими факторами. Прежде всего, если для коренных жителей город — это «естественное» место обитания, среда, в которой осуществляются много-

численные социальные взаимодействия, то в силу достаточной степени знакомства с функционированием населенного пункта местные жители всегда формируют рациональный образ. В отличие от них для путешественника город является заведомо более привлекательным для физического нахождения местом, чем то, откуда он прибыл. Поэтому путешественник заранее позитивно относится к городу, надеясь обрести в нем должную степень социальной защиты и комфорта. Впрочем, иногда ожидания приезжего не оправдываются, что приводит к значительному усилению негативных характеристик.

Значительное влияние на формирование образа города оказывает и социальный статус приезжего. Выходцы из разных социальных слоев по-разному воспринимают городскую среду, так как зачастую соприкасаются с совершенно разными ее элементами. Выходец из аристократических кругов тяготеет к своему сословию, представитель предпринимательства — к миру предпринимателей и т.п., что позволяет говорить о создании «дворянских», «интеллигентских», «бизнес»-образов города. Интересно, что профессиональные ученые могут выступать как особая «партия», формировавшая в силу своей специфики наиболее объективный образ. В связи с этим для реконструкции целостного историко-географического образа города важно сопоставлять множественные описания одного населенного пункта, репрезентированные путешественниками с разным социальным статусом.

Впрочем, источником искажения образа может стать и сама городская среда. Это происходит в том случае, если городской социум (или та его часть, с которой соприкасается приезжий) заинтересована в создании положительного имиджа своего места. В прежние времена, когда перемещения людей регламентировались более строго, и их можно было отследить, такая практика встречалась весьма часто. Это привело к возникновению еще одной отличительной черты: формирование образа города происходило как естественным, так и искусственным путем.

Особой разновидностью путешествия следует считать паломничество. Д.Н. Замятин предлагает считать паломничеством не только путешествия, связанные с религиозными установками и практиками, но и любые поездки, ориентированные экзистенциально-географически, т.е. на достижение сакральных локусов (причем локусов необязательно религиозного происхождения) [13, с. 143]. Это связано с особенностями ментального конструирования отдельных путешественников, способных иррационально поддерживать бесконеч-

⁵ Этот феномен И.Л. Савкина и Ю.В. Бахтина называют дислокацией. Подробнее см. [24, с. 74].

ную автономную регенерацию новых знаковых для себя мест. Последнее детерминировано нагнетанием ментального «напряжения» в сознании путешественника в результате кумуляции множества сакральных пространств. В этом свете целый ряд экспедиций и путешествий второй половины XVIII — XIX вв., скажем, в Горный Алтай, можно считать «паломничеством».

Специфика формирования географических образов окраин и фронтальных регионов. Географические образы российского пространства, как правило, объединены достаточно типовыми репрезентациями и дискурсами государственного или парастатусного характера [25, с. 108], в которых центральная роль все же принадлежит понятию «власть». Логика построения имперской государственности детерминировала необходимость осмысления районов, в которых проходила колонизация, как пространства, постоянно ждущего «воли к освоению». В целом, следует констатировать, что российская государственность на протяжении XVIII–XX вв. переживала своеобразный «освоенческий синдром», находясь в стадии перманентного освоения обширных, прежде всего восточных и северных пространств. В отношении этих регионов имперская география власти базировалась на картографировании и конструировании географического, административного, экономического и ментального пространства [26, с. 14]. В сознании как имперских властей различных уровней, так и ученых-путешественников такие зоны мыслились как области перехода, лиминальное, пограничное, фронтальное пространство [25, с. 110–111]. При этом на окраинах пространственные мифы, как это ни парадоксально, выступали инструментами формирования границы: не демаркированной государственной, а ментальной.

Государство, осваивая окраины, стремилось не только к юридическому закреплению территорий, но и их вербальному присвоению путем создания пространственной модели, состоявшей из максимально удобных имперским властям в ономастическом плане конструктов и образов. К примеру, в Сибири административное деление зачастую не совпадало с географическими границами сибирского региона, а образы Сибири приобретали расширенное символическое восприятие [26, с. 14].

Колонизация восточных окраин России порождала дихотомию по отношению друг к другу двух процессов: расширение областей и районов, вовлеченных в процесс освоения, сопровождалось исчезновением изначального смысла отдельных территорий и топонимов. Фронтальные регионы приобретали амбивалентные характеристики общности и индивидуальности, с одной стороны, и интегрированности (часто формальной, своего рода «эпигенетической») — с другой.

Как следствие, географические образы таких областей характеризуются внутренней противоречивостью, географической гипертрансформацией: эклектикой топонимов, хоронимов, гидронимов.

Динамичные темпы освоения фронтальных регионов предопределили не просто корреляцию, а фактически масштабнейшую реструктуризацию географических образов этих территорий в системе имперской географии власти. Дополнительным фактором динамики пространственных мифов становилось усложнение интерпретации фронтальных районов имперскими властями, вызванное расширением внешних государственных границ и нарастанием внутренних политических и административных задач.

Административное начало оказывало существенное влияние на генезис географических образов. Это связано с потребностью власти в компактных пространственных мифах, созданных и трансформируемых с политическими целями, т.е. в политико-географических образах. Политико-географические образы, будучи естественной частью российского пространства как некоей реальности и/или действительности, являются также условным/безусловным планом выражения наиболее существенных характерных черт этого пространства, выявляемых как в ходе политических процессов, так и по их завершении [12, с. 1].

Политико-географические образы фронтальных регионов, являясь вариантом историко-географических образов, а в более широком ракурсе — разновидностью географических образов пространства, складывались на основе колоссального сжатия многочисленных параметров до наиболее упрощенного идейно-смыслового конструкта. Классическим примером полигона для возникновения таких представлений являлись дипломатические контакты, переговоры, в процессе которых происходила гипертрофическая трансформация географических понятий, отражавших тот или иной физический объект. Одним из продуктов такого диалога оказывалось новое географическое знание, наделявшее реально существующий географический объект комбинацией несовместимых или мало совместимых параметров [12, с. 1]. Например, в ходе дипломатических переговоров Российской империи и Джунгарского ханства первой половины XVIII в. российская сторона пыталась отстоять собственный суверенитет над Прииртышьем, аргументируя принадлежность ей всей территории вдоль сибирских рек. Иными словами, районы Средней Азии от Усть-Каменогорска до озера Зайсан интерпретировались как часть Сибири, хотя с географической точки зрения это являлось явной фальсификацией. Данный пример, помимо всего прочего, иллюстрирует сразу два механизма трансформации географического образа: ретерриториализацию и реноминацию.

Категория «географический образ», в том числе в контексте выделения историко-географических и политико-географических образов пространства, сосредотачивает в себе значительный эвристический потенциал для дальнейшей интеграции в научные дисциплины различного профиля. В исторической науке это позволит перейти от изучения линейки исторических фактов к моделированию идейно-смысловых конструкций, сочетающих в себе истинное верифицируемое знание с многочисленными элементами субъективации и примитивизации. Привлечение проблематики образов открывает для историков-специалистов возможность сопоставления исторической действительности

с восприятием и ретрансляцией этой действительности в сознании непосредственных субъектов исторического процесса.

Особое значение тематика образов приобретает при изучении отдаленных окраин, фронтальных регионов страны, поскольку в условиях перманентного дефицита информации об осваиваемых областях фактически любые историко-географические образы, созданные чиновниками, учеными или путешественниками, приобретали характер универсальных сведений, и становились основой для выработки административного курса, а также формировали программы массового (общественного) восприятия.

Библиографический список

1. Уваров М.С. Культурная география в культурологической перспективе (аналитический обзор) // Международный журнал исследований культуры. — 2011. — № 4.
2. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: основные направления, категории, методы и модели // Культурная и гуманитарная география. — 2012. — № 1. — Т. 1.
3. Замятин Д.Н. Имагинальная (образная) география [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. — Вып. 4. — М., 2007.
4. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. — СПб., 2010.
5. Митин И.И. Гуманитарная география: проблемы терминологии и (само) идентификации в российском и мировом контекстах // Культурная и гуманитарная география. — 2012. — № 1. — Т. 1.
6. Митин И.И. На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. — 2004. — № 3.
7. Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). — Екатеринбург, 2009.
8. Головнев А.В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. — 2010. — № 4 (29).
9. Головнев А.В. Антропология путешествия: от *imago mundi* до selfie // Уральский исторический вестник. — 2016. — № 2 (51).
10. Чуркин М.К. Сибирь в «воображаемой географии»: к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2014. — № 2 (2).
11. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. — М., 2006.
12. Замятин Д.Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Полис. Политические исследования. — 1998. — № 6.
13. Замятин Д.Н. Пространство и путешествие: карта географических образов // Труды Русской антропологической школы. — 2013. — Т. 13.
14. Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии / пер. с англ. и введ. ст. С.В. Федурова. — М., 1990.
15. Rose G. Place and Identity: a Sense of Place. A Place in the World / Ed.D. Massey and P. Jess. — Oxford, 1995.
16. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение / пер. с англ. Е.З. Годиной. — М., 1988.
17. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура // Труды по знаковым системам. — Тарту, 1973. — Т. 6.
18. Леви-Строс К. Мифологии : в 4 т. — Т. 1: Сырое и приготовленное. — М. ; СПб., 1999.
19. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. — М., 1984.
20. Гревс И.М. Монументальный город и исторические экскурсии: основная идея образовательных путешествий по крупным центрам культуры // Экскурсионное дело. — 1921. — № 1.
21. Калуцков В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. — 2012. — Т. 1. — № 1.
22. Митин И.И. Путешествие как атрибут создания комплексных географических характеристик и образов мест // *Studia Culturae*. — 2003. — № 5.
23. Головнев А.В. Дорожная карта антропологии движения // Уральский исторический вестник. — 2012. — № 2 (35).
24. Савкина И.Л., Бахтина Ю.В. Жизнь как путешествие: нарративная идентификация в автобиографическом интервью // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. — 2014. — № 5.
25. Замятин Д.Н. «Вообразить Россию». Пространственная идентичность в Северной Евразии // Социологические исследования. — 2009. — № 5.
26. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. — М., 2007.